Спиваков Владимир 15.09.04.

Россія. – 2004 – 9–15 сент. – с. 21

Беседовал Александр Славуцкий

Владимир Спиваков: «Сцена — это поле боя»

Один из парадоксов современной российской музыкальной культуры состоит в том, что за последние три десятка лет на Парнасе мало что изменилось. Первым скрипачом поныне остается Владимир Спиваков, лучшим альтистом – Юрий Башмет, а виолончелистом – Ростропович. Новых имен за эти годы появилось множество. Тем не менее превзойти того же Спивакова пока никому не удалось. Игра Спивакова-скрипача отличается неизъяснимой, почти божественной легкостью и невероятным изяществом. Кажется, его скрипка способна заставить смеяться и плакать даже камень. Что же касается людей, то они покоряются ей без остатка. В том числе и те, кто первоначально настроен по отношению к Спивакову-человеку скептически.

СЕРГЕЙ ИЛЬИН

– Владимир Теодорович, уходящий сезон был для вас очень непростым: в декабре провели фестиваль «Владимир Спиваков приглашает», меньше чем за год вы создали «Национальный филармонический оркестр», да и о «Виртуозах Москвы» не забывали.

– Действительно, все это очень непросто. Фактически я себе не принадлежу. К тому же я еще являюсь президентом Московского международного дома музыки, с которым связано множество организационных вопросов. С «Виртуозами Москвы» за этот год записали три новых диска. Один называется «Приношение Альфреду Шнитке», другой – диск Арво Пярта, на котором среди прочих произведений впервые мы исполняем его коллаж-фантазию на тему Моцарта. Надо знать Арво, который, несмотря на то что меня с ним связывает долгая дружба, запросил эту запись, прежде чем дать разрешение на его CD. Только что отправлен диск с музыкой Шенберга, Веберна и Бартока. Любопытно, что президент звукозаписывающей фирмы «Каприччо», с которой мы работаем, позвонил мне и сказал, что все предыдущие записи «Просветленной ночи» Шенберга из своего каталога он аннулирует, потому что лучшего исполнения музыки этого композитора он не слышал.

– Одно из последних впечатлений этого сезона – выступление «Виртуозов» в Доме музыке в середине мая, на котором вы исполнили и новый концерт Щедрина. Очень сильная вещь, не правда ли?

– Полностью с вами согласен. Концерт Щедрина для фортепиано и камерного оркестра называется Concerto Lontano, что означает «издалека» или «вдалеке» в переводе с итальянского. Эта музыка написана такой легкой акварельной краской, в ней словно сквозь вечернюю мглу или рассветную дымку пробиваются какие-то энергетические ростки. Она чем-то напоминает китайский иероглиф, который можно рассматривать часами. Щедрин, конечно, огромный мастер, его сочинение написано здорово и при этом с легкой самоиронией.

– Наверное, партитура любого музыкального произведения напоминает иероглиф?

– Это так. Вот только один пример. Мравинский всю жизнь дирижировал Пятой симфонией Чайковского. И тем не менее однажды его застали сидящим над партитурой. Он досконально изучал ее с лупой в руках. А на вопрос: «Евгений Александрович, что вы в ней рассматриваете?» – ответил: «Боюсь какую-нибудь точку пропустить». Исполняя любое сочинение, мы каждый раз должны заново его воссоздавать. Потому что музыка – это же не просто черные точки на нотном стане. Это и эпоха, и взаимоотношения композитора с людьми, и его мысли и чувства. И все это закодировано. Каждая партитура напоминает шифрограмму, которую, может быть, никто никогда и не прочтет. И у каждого музыканта есть возможность понять ее по-своему и озвучить.

– И какими же способами вы эти иероглифы расшифровываете?

– Сижу с партитурами, изучаю их, сверяю разные издания, потому что встречается много опечаток, смотрю оригиналы, слушаю записи, которые сделали сами композиторы. Иногда они меня очень удивляют.

– Что вы имеете в виду?

– Если музыку исполняет автор, это совсем не означает, что его вариант – самый лучший. Я не раз убеждался в этом. Даже если играет Стравинский, Рахманинов или Шостакович. Вы знаете, что Шостакович стеснялся своей музыки? Поэтому он выставлял невероятные темпы в своих симфониях, чтобы они закончились как можно скорее.

– За сорок с лишним лет работы на сцене вы сыграли несколько тысяч концертов. А что вы сейчас чувствуете перед очередным выступлением?

– Любой концерт – это всегда неуверенность в себе. Кроме того, у меня нет понятия очередной или маленький концерт. Если я играю в провинции, то играю точно так же, как играю и в Париже, потому что стоит только немножко себе позволить слабину, то через некоторое время вы уже не сможете играть в Париже. Музыка для меня – это творчество и работа.

– Когда выходите на сцену, волнение пропадает?

– Да, это происходит постепенно. Вы попадаете в поле музыки, в ее магию. Все остальное перестает существовать перед глазами. Я помню, как однажды на гастролях в Стокгольме Светланов, у которого был трудный период в жизни, позвонил мне в три часа ночи и пригласил к себе в номер. Он сказал фразу, которую я запомнил навсегда: «Не знаю, веришь ли ты в переселение душ или нет. Но мне иногда кажется, что душа Рахманинова поселилась во мне». В этих словах скрыта глубокая мысль. Во время концерта, особенно больших композиторов, в чью музыку вы глубоко проникаете, возникает ощущение встречи на каком-то космическом уровне. У Баха, Шостаковича и многих других в нотах скрыто очень много таинственных символов, которые в некоторых случаях удается понять и раскрыть. И тогда начинаешь чувствовать, что говоришь со сцены от первого лица, являешься как бы провозвестником того или иного музыкального гения.

– Но в таком случае завершение каждого концерта должно вами переживаться как настоящая трагедия?

– Действительно, я ощущаю внутреннее опустошение.

– Овации зала, наверное, очень помогают пережить это негативное ощущение?

– Да, с одной стороны, это энергия, которая посылается, чтобы ты просто не умер. А с другой стороны, вспоминая эти рукоплескания и понимая, какая на тебе лежит ответственность, очень трудно на следующий день начинать что-либо новое.

– Как вы относитесь к высказыванию: «Не бывает плохих оркестров, есть только плохие дирижеры»?

– В принципе я с ним согласен. Если дирижер по-настоящему владеет своей профессией, он при определенных условиях может вывести музыкантов не слишком хорошего оркестра на довольно высокий уровень. Я с этим часто сталкивался. Выступал в Америке с очень средними оркестрами, старался сделать все, что от меня зависит, чтобы они играли лучше. И теперь получаю от музыкантов письма: благодарят меня за то, что почувствовали: они – оркестр. Знаете, мой учитель, Юрий Исаевич Янкелевич, говорил: «Хороший педагог – совсем не тот, кто может научить талантливого человека прекрасно играть. А тот, кто может заставить человека средних способностей максимально раскрыться, проявить талант, данный ему от природы». С каждым дирижером оркестр играет поразному. Оркестр – очень тонкий организм. Музыканты сразу, буквально через пятнадцать тактов, чувствуют, кто стоит перед ними: профессионал или не очень уверенный в себе человек. И от этого многое зависит.

– И звучание оркестра тоже?

– Звук зависит от рук дирижера. Как у актеров жест должен быть продолжением мысли, так и руки дирижера должны передавать его идею. Нужно минимальными, едва уловимыми движениями добиться того, чтобы оркестр зазвучал. Знаете, в Ленинградской филармонии был такой случай: с оркестром, которым руководил Евгений Александрович Мравинский, выступал другой дирижер. Оркестр играл очень средне. И вдруг в одно мгновение все преобразилось, оркестр заиграл мощно, энергично, блестяще. Оказывается, Мравинский вошел в зал. Связь дирижера с оркестром обычно надолго сохраняется.

– В последнее время вы нередко говорите о том, что вам все труднее совмещать дирижирование и игру на скрипке.

– Да, но тем не менее на днях я записал соло из «Лебединого озера». И перед этим сыграл в Ереване сольный концерт из произведений Брамса, Шнитке, Пярта и Рихарда Штрауса. Хотя, конечно, возраст так или иначе меня будет двигать больше в сторону дирижирования, потому что существует физиология, от которой вы никуда деться не можете.

– Влияют ли на вашу личность руководящие должности, которые вам приходится занимать?

– Нисколько. Я только удивляюсь каждый раз, когда вижу табличку на двери своего кабинета, на которой написано «Президент Московского международного дома музыки». Я совершенно не меняюсь, просто надеюсь, что на этом посту я смогу сделать что-то хорошее. Ведь Дом музыки только начинает свое существование. И это как раз самый трудный этап, потому что надо приучить публику ходить на наши концерты, создать определенную атмосферу в зале. А вообще в таком возрасте люди уже не очень меняются. Красиво стареть, я считаю, это тоже большое искусство.

– Вам это удается?

– Думаю, что да. По крайней мере в значительно большей степени, чем многим другим.

– Несколько раз вы довольно резко высказывались в адрес музыкальной критики. А сейчас есть ли критика, которая кажется вам профессиональной, или она просто перестала вас интересовать?

– Практически перестала, к тому же у меня нет времени читать газеты. К сожалению, знаю, что очень часто наша критика бывает просто оскорбительной. Например, однажды музыканты мне позвонили и говорят: «Владимир Теодорович, нас страшно обидели, написали, что оркестр напоминает стадо баранов». Если вы вспомните, что писали современники о Малере, Шостаковиче, да и о многих других композиторах, то поймете диспропорцию гигантскую между великими личностями и… не хочется обижать уничижительным эпитетом газетных критиков. Я думаю, что в большинстве случаев критики способны не создать что-то новое, а только обругать, оболгать или не понять созданное другими. О многих из них я знаю, что они в свое время плохо учились и их ряды пополняли собой недоучки. Сейчас меня это уже не затрагивает, хотя в свое время закалило крепко. Но все равно каждый раз, возвращаясь к музыке, я понимал, что вся эта суета вокруг нее никакого значения не имеет. Важно лишь то, что есть великий духовный мир, к которому я имею счастье прикоснуться, ощутить дыхание вечности. И это всегда было для меня огромным подарком.

– А претензии к самому себе у вас бывают?

– Да, я очень большой самоед. В каждом году наберется от силы два-три концерта, которыми я бываю доволен от и до. Причем моя память так устроена, что я помню свои ошибки 15-летней давности. Сцена для меня в каком-то смысле является полем боя, где произойти может все: можете подорваться, как на минном поле, или вам могут пулю выпустить в спину. А можете и победить.

– А еще так случается, что и слава многих артистов, блистающих на сцене, портит, заражает звездной болезнью.

– Это зависит прежде всего от ума. Звездной болезнью, как мне кажется, страдают не очень умные люди. А с другой стороны, о какой звездности можно говорить, когда вы каждый день имеете дело с гениями. Например, на одном из последних концертов в Доме музыке «Виртуозы Москвы» исполняли «Девушку и смерть» Малера – произведение, в котором каждая нота божественна. Мне просто непонятно, как земной, смертный человек мог это написать. Просто не укладывается в голове. Так же как я никогда не понимал, как Шостакович мог написать свою Девятую симфонию в 1945 году. Как ему удалось так точно и образно выразить свое отношение к войне? Свое переживание за убитых, свой ужас перед этой страшной машиной, которая губит людей и шлет их на смерть. А еще есть Бах, Чайковский, Моцарт, Скрябин и масса других гениев, встречи с которыми не позволили развиться во мне звездной болезни.

– Вы человек чрезвычайно занятой. Однако кроме творчества занимаетесь и общественной деятельностью. Например, в мае при вашей активной поддержке в Москве прошел фестиваль детского творчества «Москва встречает друзей». Почему вы этому событию уделили такое внимание?

– Недавно я видел программу НТВ, рассказывающую о том, что происходит за сценой. Там творились странные вещи, которые у нас обычно не происходят. Люди друг друга лапали, показывали свои татуировки, пирсинги и все такое прочее. И в конце концов молодой человек с двумя серьгами в левой брови сказал: «Дети, будьте такими, как мы». Честно сказать, меня это сильно напрягло. Я все-таки воспитываю четырех дочерей. Прибавьте к этому недостаточное внимание государства, равнодушие взрослых, которые заняты своими делами, то вырисовывается очень грустная картина. Я не хочу, чтобы в детском сердце оставались боль и страх, ощущение полнейшего равнодушия взрослых, встреча с цинизмом и жесткостью жизни. Если мы сегодня не будем что-то делать в противовес тому, что называется шоубизнесом, что на телевидении постоянно показывается разлагающая реклама, которая основана только на материальном интересе, я не знаю, к чему придем, какое поколение мы вырастим. Поэтому мы решили, что стоит организовать такой фестиваль, и пригласили в Москву 800 талантливых ребят из разных концов РФ, СНГ и Балтии. Они играли с оркестром «Виртуозы Москвы», выступали на сцене Московского международного дома музыки, были окружены заботой и любовью.

– Если неожиданно выдается свободная минутка, что вы делаете?

– Встречаюсь с друзьями, общаюсь с коллегами или хожу в театр. Люблю настоящее искусство, поэтому с удовольствием ходил бы на все театральные премьеры.

– В юности вы профессионально занимались боксом. Неужели когда-то выбирали между рингом и скрипкой?

– Я только хотел постоять за себя. Когда я учился в ленинградской школе-десятилетке, еврейских мальчишек, да еще и музыкантов, постоянно подкарауливала за углом и мутузила компания хулиганов. Налетчики разбивали в кровь не только носы, но и скрипки, которые тогда было очень трудно достать. В один прекрасный день мне все это надоело, и я записался на бокс. Через несколько месяцев, когда мы снова лицом к лицу столкнулись с хулиганской компанией, я спокойно положил свой драгоценный инструмент на землю и «ответил» им по полной программе.

– Применяя боксерские навыки на практике, вы оказались в центре международного скандала в Бразилии. Что же там произошло?

– В салон самолета, на котором «Виртуозы» должны были лететь в Рио-де-Жанейро, ввалилась компания французов в подпитии. Один из них накинулся с кулаками на мирно сидевшего в кресле пассажира и начал выгонять его с места. Досталось и женщине, которая сидела рядом и кормила грудного ребенка. Я не стал ждать реакции проводниц и сначала культурно попросил угомониться. Не подействовало. Пришлось объяснять по-другому. Швырнул в хулигана букет цветов, который держал в руках… Когда детина немалых размеров начал подниматься во весь рост, чтобы нанести ответный удар, я понял: если даст сдачи – я труп! Выхода не было, и я врезал ему. Обалдевшие «Виртуозы» правильно оценили ситуацию и мгновенно схватили француза сзади, буквально повиснув на нем. Вылет задержали на 40 минут. Когда мы приземлились в Рио, к нам подскочила толпа журналистов, повторявших слова «теракт», «разбойное нападение» и так далее.

Слова

Андрей Вознесенский, *поэт:*

Владимир Теодорович – человек совершенно удивительный. Иногда мне кажется, что он является представителем какой-то внеземной, совершенной цивилизации, по какой-то ошибке провидения оказавшимся на нашей грешной планете. Один из лучших скрипачей мира, кавалер бесчисленного числа наград и премий, Владимир Спиваков остается очень скромным и требовательным к себе человеком. Нас связывают годы дружбы и общей работы. Ведь вот уже более десяти лет мы вместе входим в жюри премии «Триумф», а еще есть и фестиваль «Триумфа», неизменным участником которого является Владимир Теодорович со своим оркестром. Мне не раз приходилось наблюдать, как Спиваков выходит из-за кулис, берет в руки дирижерскую палочку или скрипку и преображается. После первых же звуков музыки он как будто покидает наш мир и оказывается где-то там, в ином измерении, словно возвращается в далекую и прекрасную Вселенную, из которой его к нам забросили.